

ДЕВУШКИ НЕ ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Девушка
тоже человек

Девушки не первой свежести

Надежда Нелидова
Училка тоже человек

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нелидова Н.

Училка тоже человек / Н. Нелидова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Девушки не первой свежести)

Она сеет вокруг Смерть, к чему ни прикоснётся. К добродушной соседской собаке, к буйному соседу, даже – о ужас! – к доблестному работнику милиции. Нет, речь идёт не о роковой женщине-вамп, а об одинокой стареющей учительнице в типовой «хрущёвке». Отчего люди становятся человеконенавистниками, создавая вокруг рукотворный Ад? Как нам ужитья вместе? Так тесны наши квартирки, дома, города, Земля...

© Нелидова Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЛЕНУСИК	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Надежда Нелидова

УЧИЛКА ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК

ЛЕНУСИК

Ленусик – ласковое имя. Это если так называют мама или бабушка. Но если Ленусиком студенческая группа зовет свою старосту, тут явно присутствует что-то ехидненькое, вредное, злобноватое. Воображение сразу рисует нечто белобрысое, зубрилкино и подхалимское, требующее, чтобы его гладили по прилизанной голове и приговаривали противным голосом: «Ленусик, Ленуусик».

Она такой и была: плоская как щепка, лицо узкое, с тонким, как лезвие бритвы, носом и глубоко втянутыми под скулы щеками. Брови и ресницы – белые-белые, будто вымазанные зубным порошком.

Еще у Ленусика был лоб, «свидетельствующий о несомненном величии ума и духа», иронизировали в группе. Лоб был высокий, нечистый, в прыщах. Он, опрокидываясь, уходил далеко в область черепа, и там, где у нормальных людей начинались корни волос, у Ленусика все еще продолжался лоб. Ко всему тому она так туго зачесывала цвета птичьих перышек волосы, что уши хищно оттягивались.

Плешивая Ленусик была единственная на абитуре, поступающая в педагогический институт с золотой медалью. И единственная, ходившая на экзамены в старенькой школьной форме. Точно уже тогда хотела что-то кому-то доказать, мымра.

Рассказывали, что она блестяще сдала экзамены, и что ректор пединститута, интересный моложавый мужчина, при всех растроганно поцеловал этого уродца (правда, добавляли острия, потом зажал рот платком и быстро убежал в уборную).

Разумеется, Ленусик была наиболее подходящей кандидатурой на пост старосты. Ни в коем случае не могло произойти, чтобы выбрали кого-нибудь другого – что вы, Боже упаси, только Ленусика.

И так как она буквально поняла свои обязанности и добросовестно отмечала прогульщиков, и требовала стопроцентной явки на всякие рейды и посты – так вот, именно поэтому на следующий год Ленусика единогласно не выбрали в старосты. Но грех было оставлять Ленусика без какой-либо нагрузки. Чтобы отвязаться, ее и избрали в учебный сектор. Стоном застонали двоечники и троечники. Уже на следующий семестр ее пришлось назначить председателем учкома, заменив ею прежнего председателя. Он на собраниях только подмигивал студенткам, вызванным на обсуждение за неуспеваемость, как правило, самым хорошеньким.

Таково краткое описание студенческой карьеры Ленусика.

Можно добавить, что в своем уродливом портфеле она носила груды записных книжек, блокнотов и цитатников. В одном из блокнотов, к примеру, изо дня в день записывала, что ей предстояло сделать завтра. Ленусик не желала жить стихийно и бесцельно. Каждый день ее жизни содержал в себе программу-минимум.

Сегодня дел по общественной линии у нее не предвиделось; и она решила посвятить его делам личным.

Под пунктом первым скверным почерком было записано «завизировать инд. НОП». Под вторым – «пер. нов. кварт». Первое означало что-то из нескончаемых учкомовских дел, оставленных на дом. Второе – перебраться на новую квартиру.

Еще на первом курсе Ленусик навсегда ушла из общежития, не ужившись с болтливыми любвеобильными соседками, и с той поры снимала комнату у одинокой женщины. Теперь хозяйка обменивалась на другой город, но Ленусика не подвела и дала ей адрес знакомой, которая тоже пускала на квартиру...

Ленусик, как всегда, в полном одиночестве, худая, прямая, как палка, вышла из крошечного своего кабинета, прилепившегося рядом с деканатом, спустилась в пахнущем пылью лифте на первый этаж и вошла в туалет.

Там у окна курили и болтали три девушки – одна другой симпатичнее, тоньше и моднее. Они, завидев Ленусика, враз отвернули поскучевшие хорошенькие мордочки.

Пока Ленусик находилась в кабинке, затем мыла с мылом руки и брезгливо вытирала их носовым платком, девушки дипломатично говорили о нейтральных вещах: о преимуществах лифчиков «анжелика», о красавце Нестерчуке, преподавателе зарубежки. Ахали, обсуждая, новость: старшекурсница вышла замуж за пятидесятилетнего персонального пенсионера.

«Ну вообразите, – говорила одна подружкам, – просыпаетесь, а на столике у кровати – стакан с кипяченой водой. А в воде – розовые челюсти... Бр-р!»

«Но если рядом в вазочке – алмазное кольцо и десяток золотых перстней...» – возражала другая.

Эту девушку в тугих брючках и короткой кофточке Ленусик хорошо знала. Ту уже два раза вызывали на учком за неуспеваемость. В конце концов, Ленусик сняла ее со стипендии. Но всем было известно, что отец девушки – председатель колхоза-миллионера – писал ей: «Дочурка, не тужься. Как можешь, так и давай. С голоду не помрешь».

С голоду действительно было помереть мудро: папа ежемесячно посылал любимой дочурке полтора рубля плюс посылки со всякой вкуснятиной.

Закрывая за собой дверь, Ленусик знала, что теперь девушки переключатся на нее. Знаете, это очень неприятное чувство: за спиной ледяное молчание, но едва ты закрываешь дверь, вслед раздастся взрыв хохота и оживленная трескотня.

Но Ленусик ведь уже привыкла к этому, ей некогда было распыляться по мелочам, заниматься самоедством и предаваться грустным раздумьям. Программа-минимум, пункт второй, требовала своего выполнения.

* * *

В семь утра новая хозяйка и Ленусик сходились на кухне пить чай. Они редко разговаривали за чаем, они вообще мало общались между собой. Просто эти утренние совместные чаепития вошли у них в привычку, стали своеобразным ритуалом. Каждая гремела своим чайным прибором. Ленусик насыпала две ложки песка из пластмассовой коробочки с герметично закрывающейся крышечкой, открывала на нужной странице расположенный за стаканом учебник – и воцарялось молчание, прерываемое только звуками глотков и шелестом книжных страниц.

Хозяйка очень уважала Ленусика и побаивалась: всё-таки будущая учительница. Ленусик не была похожа на прежних квартиранток: не жгла утюгов, не тискалась с парнями на лестничной площадке, была страшная чистюля (мыла ванну только своей пастой), была неразговорчива и вечно что-то озабоченно писала, как Ленин.

Сегодня хозяйка долго не решалась заговорить, ерзала на табурете и поглядывала на Ленусика. Та сидела, как всегда, прямо, с волосами, тщательно зачесанными и заткнутыми в крошечный шиш на затылке, как у Марфушеньки-душеньки.

– Ленусик, – начала хозяйка, откашлявшись (еще в первый вечер она сказала, что была у нее дочушка, тоже Леной звали, померла младенцем, и пусть уж квартирантка не чурается, что она иной раз назовет ее Ленусиком. Ленусик тогда непонятно усмехнулась: суждено ей было умереть с этим именем). – Вчера бумажку участковый принес.

Ленусик строго – вопросительно взглянула поверх очков на оробевшую хозяйку:

– В чем дело? Конкретизируйте.

А дело было в том, что возвращался с поселения двадцатилетний хозяйкин сын Юрка. Это и сообщила хозяйка, робко теребя фартук.

Ленусик задумалась. Хозяйка трусила.

– Вы хотите, чтобы я освободила комнату?

– Ох, что ты, упаси бог, лучше тебя квартирантки и желать грех! – хозяйка обрадовалась такому обороту дела и даже замахала от радости руками. – Живи себе на здоровье. Юрочку-то я в малой комнате устрою, а сама приспособлюсь в зале.

Ленусик удовлетворенно кивнула и снова стала пить чай и читать книгу. На ее спокойствие и благоденствие до конца учебного года не покушались – остальное Ленусика не касалось. Вот если б хозяйка попросила ее отсюда – она бы во всей красе показала свой тяжелый и вредный характер.

Все-таки, уходя из кухни, Ленусик нашла нужным сказать назидательно:

– Вам следовало предупредить меня, что ваш сын находится на поселении. И только, пожалуйста, без пьяных дебошей.

Хозяйка вздохнула с облегчением, когда Ленусик вышла.

Складывая в уродец-портфель тетрадки с конспектами, Ленусик позабыла об утреннем разговоре за чаем. Ей предстоял плотный рабочий день.

...Еще вчера Ленусик, выходя из аудитории, встретила с куратором группы Циунчуком – низеньким, плотным человечком в топорщащемся пиджачке, с добродушным, обвисшим книзу лицом и маленькими глазками. До первой сессии его называли «гималайским медвежонком» – только до первой сессии.

Он преподавал у них историю средних веков, на которые регулярно не ходило полгруппы. Циунчук вести переключку считал унижением для себя и для студентов. Никто не подозревал, что подлый Ленусик передает ему потом в коридоре списки посещаемости. И его глазки не переставали добродушно поблескивать.

Училась у них на курсе студентка Шурочка Левченко, рыженькая, хорошенькая, страшная любительница отчебучивать шутки на диво всей группе. Сокурсники и молодые преподаватели говорили с ней только улыбаясь и во время разговора обводили неопределенными взглядами ее фигурку и ножки.

Циунчук не был молодым преподавателем. На семинаре он уткнулся в журнал, тяжело подышал и вызвал, наконец, А. Левченко. А. Левченко, разумеется, из предмета ничегошеньки не знала. Но она была красивая, а все красивые отлично осознают, что сделать провинность им гораздо легче, веселее и безопаснее, чем всем остальным; именно сознание этого вселяет в них особое безрассудство.

Так как семинар был первый в семестре, Шурочка думала, что Циунчук не может запомнить их всех в лицо. И никто их в лицо еще не знает, единственно кроме гнуснятины Ленусика.

Шурочка встала, капризно и решительно передернула плечиком и сказала, что студентка Левченко отсутствует. Нет ее, и все тут. Группа – тогда еще несмышлениши со школьной скамьи – так и уставилась на отважную Шурочку. Большая часть группы – с восхищением, меньшая – актив с Ленусиком во главе – с осуждением.

Циунчук страшно удивился, заморгал добрыми глазками:

– Позвольте... Как это – отсутствует? – будто не видел, что половина скамей в аудитории пустует.

Шурочка тоже широко распахнула подкрахмаленные реснички и изобразила на лице изумление: а я, мол, почему знаю? Она цвела в ожидании триумфа, который ждал ее на перемене в курилке, и победоносно поворачивала точеную головку налево и направо.

– Н-да... Гум. Неприятно... М-да... м-м. Гум, – Циунчук все больше мрачнел. Посопев, он вдруг обратился к Шурочке:

– В таком случае, вас вместо вашей подруги попросим. Ваша, кстати, как фамилия?

Шурочка хотела заметить с возмущением, что такая злостная прогульщица как Левченко, не может являться ее подругой... и застыла с разинутым сиреневым ротиком: вот это влипла!

А на зимней сессии полгруппы завалило экзамен по истории средних веков. Циунчук чувствовал себя превосходно, суетился, подмигивал добродушно прищуренным глазом. Заглядывая в какую-то тетрадочку, он говорил студенту:

– М-да... А вот вы, молодой человек, пропустили ровно тридцать два моих часа. Не обойтись без дополнительных вопросов, а? На даты, а? Не обойтись? – и, не добившись удовлетворительного ответа, безжалостно ставил «два»: это куратор – студенту своей группы! Он, как и Ленусик, тоже был в какой-то мере фанатик.

После сессии кличка «гималайский медвежонок» была навсегда вытеснена другой, олицетворяющей вероломство, коварство и жестокость: «Циунчук – Большой Змей».

* * *

Итак, Ленусик встретила вчера с Циунчуком, и он, галантно взяв ее под острый локоть, повел вглубь коридора. Он сообщил, что на завтра назначено комсомольское бюро, и без своей помощницы ему никак не обойтись. У Ленусика было по горло своих учкомовских дел, но отказываться она не стала: надо так надо. В этом она очень напоминала комсомольцев двадцатых годов. Оба грустно, как сообщники, улыбнулись друг другу. Вкратце куратор ознакомил ее с ЧП, в котором фигурировала опять-таки неугомонная Шурочка Левченко.

Месяц назад Шурочка вышла замуж за однокурсника, культуриста Родика, но ни капельки не остепенилась. Ей показалось, что от семейной жизни она пополнила, она ужаснулась этому открытию и стала бегать вдоль трамвайной линии.

Так как она бегала поздними вечерами, то Родик также натягивал спортивный костюм, напяливал низко на лоб шапочку, чтобы не было видно мрачного лица, и трусил в метрах двадцати от смеющейся Шурочки. Пас жену, как говорили, подмигивая, в общежитии.

В тот роковой вечер бегущий Родик потерял из виду ярко-голубую Шурочкину шапку с весело прыгающим помпоном. Родик заметался, как потерявшая след гончая, добежал до конечной остановки, вернулся, совершенно растерянный, к общежитию, закрутился на месте, потом побежал назад.

Шурочка весело болтала на одной из остановок с молодым человеком. Родик (он был изрядно вымотан за этот месяц вечернего кросса, и его давно мучила роль «пастуха»), не удержался – с разгона, одним ударом уложил беднягу на землю на глазах у многочисленной публики, которая так растерялась, что не успела перепугаться и ринуться кто куда.

Помимо того, что на Родика заводили дело, исключали из кружка каратистов, стоял вопрос о его исключении из комсомола и института: Шурочкин собеседник получил сотрясение мозга.

И Ленусик раскрыла блокнот и внесла в графу своим ужасным почерком: «Завтра 6.30 – ком. бюро. Обязат!!!» И жирно подчеркнула последнее слово.

* * *

... Ленусика в трамвае пригрело, она вздремнула. В последнее время из-за весеннего авитаминоза ее постоянно и всюду клонило ко сну. Чтобы пассажиры не замечали, она клала на колени раскрытый учебник, как будто читала, а сама закрывала глаза. и немножко спала. Так она и сейчас поступила. Но задремать как следует ей мешал и неприятные мысли о только

что прошедшем собрании. Впрочем, большинство собраний на коротком Ленусином веку не оставляло приятных впечатлений.

Итак, собрание шло обычным порядком. Ребята сидели за длинным столом на кафедре истории КПСС. За одним концом спал Циунчук, напротив сидели виновники молодожены, помирившиеся и опять безумно влюбленные друг в друга, и не замечающие ничего и никого вокруг себя.

Ленусик выпендривалась, то есть одна позволила себе встать и, заложив худые, с колючими локтями, руки за спину, не торопясь прохаживалась по комнате, изредка бросая взгляды в темное окно. В нем отражалась сухопарая фигура, затянута в глухое темное, как у монастырки, платье.

Итак, собрание шло, и шло именно в том порядке, какой ему задала Ленусик. Ее раздражало только поведение комсорга – им был единодушно выбранный на этот пост бывший председатель учкома. Он, как и Ленусик, получал ленинскую стипендию и тоже занимал ответственный пост, но ничуть не кичился этим, а, напротив, это его как будто даже тяготило. Он был демократичен и всеми любим.

Сейчас ее раздражало его напускное, как ей казалось, легкомыслие. И она, не прекращая маятникового перемещения по диагонали комнаты, бросила ему:

– Не позируй, пожалуйста.

Циунчук, заслышав голос своей любимицы, проснулся и умиленно закивал головой. Тут же Ленусик услышала отчетливый шепот из-за стола: «Товарищи, давайте не будем позировать, иронизировать, поэтизировать, фантазировать, прогнозировать и дозировать. А будем всеобщими усилиями анализировать, конкретизировать, визировать и базировать. А потом от этой бредятины дружененько все вместе агонизировать. И все будет о, кей, товарищи».

Это вызвало негромкий, но дружный смех участников собрания. Ленусик резко остановилась, будто наткнулась на стену. Шурочка и Родик вздрогнули, разомкнули мысленные объятия и посмотрели вокруг кроличьими глазами. Циунчук спал, опустив маленькие припухшие веки...

Теперь, в трамвае, при воспоминании об этом у нее снова запылали щеки и уши. Ей вдруг стало обидно. Она искренно не могла понять, чем вызывает постоянную ненависть ребят. Ей казалось, что она всегда делает нужное для всех, полезное дело. Да так оно и было.

Если разобраться, она одна сейчас львицей дралась за Родиково будущее. Остальным, поразительно легкомысленным и равнодушным, и любимому всеми комсоргу в том числе, было наплевать друг на друга. Весь вечер они нетерпеливо посматривали на часы в ожидании дискотеки... И это называется: будущие педагоги! А глупый Родик снова боготворил глупую Шурочку.

Ленусик открыла дверь своим ключом. В прихожей было не повернуться из-за топорщившихся на вешалке шуб и пальто. У них с хозяйкой всегда было тихо, а тут из-за двери гостиной гроыхал магнитофон. Было накурено, сладко пахло духами, на полу валялись в грациозных позах разбросанные женские сапожки.

Ленусик нахмурилась, вспомнив, что сегодня вернулся хозяйкин сын. В кухне на подоконнике (на столе не было места из-за тарелок с объедками) она поела купленные в институтском буфете колбасу и сметану и выпила холодного чая.

Пока она пережевывала и глотала, рассеяно думала, что с завтрашнего дня придется перенести чаепития в свою комнату, несмотря на то, что это причинит ей неудобства. И тут же, не откладывая, выполнила решение и, уходя, сердито забрала с собой чайные принадлежности.

У себя в комнате она села за стол, карандашом в учебнике отчеркнула страницы – от и до, это была почти треть толстенной книги, и это нужно было одолеть до 23. 30. По истечении сурово установленного срока Ленусик устало закрывала учебник, минуту сидела приложив прохладные пальцы к горячим векам – под ними пульсировала в сосудах кровь. Потом шла

в ванную, принимала контрастный душ и ложилась спать. Если б у Ленусика настроение было еще хуже сегодняшнего, или если бы у нее подскочила температура под сорок, живи она или умри, но отчеркнутое карандашом было бы прочитано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.